

Иеромонах Михаил (Чепель)

Доктор философских наук, профессор Международной Лиги развития образования и науки

Гностические и православные мотивы в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»

В статье проводится анализ наличия гностических и православных мотивов в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита». В том числе рассматриваются гностические мотивы в творчестве М.А. Булгаков в целом; анализируются «Пилатовы главы» романа «Мастер и Маргарита»; как была показана любовь в этом романе; рассматривается наличие православных мотивов в творчестве М.А. Булгакова на примере двух его романов.

Ключевые слова: Православие, гностицизм, оккультизм, любовь, литература, М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия».

Как писал о М.А. Булгакове М.М. Дунаев, «свое творчество он начал как приверженец общечеловеческих нравственных ценностей, опирающихся на истины Христовы. Символичен в этом смысле финал романа «Белая гвардия» (1923-1924): звездный покров ночи воспринимается как церковная завеса, за которой совершается небесное богослужение. Вознесенный над миром крест, похожий на меч, превращается в знак грядущей и грозной Божией кары. [3; с. 280]. Этот роман автор закончил такими словами: «Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?» [3; с. 270].

По словам М.М. Дунаева, этот «вопрос требует ответа. <...> необходимо познать причины совершающегося не только социальные или нравственные, но и сущностные, онтологические. Действие в мире дьявола все более влечет сознание писателя. <...> Роман «Мастер и Маргарита» (1929-1940) целиком отдан теме воздействия на мир сатанинского начала – в интерпретации своеобразной» [3; с. 270].

Романы М.А. Булгакова «Белая гвардия» и особенно «Мастер и Маргарита» привлекали и продолжают привлекать пристальное внимание многих исследователей. При этом существуют разные точки зрения на творчество писателя.

Например, протодиакон Андрей Кураев в своей книге «Мастер и Маргарита: за Христа или против?» [5]. пытался доказать, что «не надо позорить русскую литературу и отождествлять позицию Булгакова и позицию Воланда. Если считать, что через Воланда Булгаков выразил именно свои мысли о Христе и Евангелии, то вывод придется сделать слишком страшный. Если уж великий русский писатель сделал сатану положительным и творческим образом в своем романе – значит, Русская Литература кончилась» [5; с. 129-130]. Однако, такая оценка, кроме эмоций, не содержит каких-либо весомых доказательств. По мнению М.М. Дунаева, об отождествлении этой позиции в определенном смысле речь все же может идти, в силу то «всем художественным строем своего произведения автор заставляет нас принять вполне определенную логику – Булгаков принуждает к сочувствию сатане и его служителям. Воланд, кто бы что ни говорил, есть по-

ложительный герой романа, равно как и Мастер со своей Маргаритою. Это наделяет их действия бесспорной правотой в восприятии читателя. Важнейшее (напомним банальную истину) – не сам предмет изображения, но качество его изображения. Важнейшее – чем *заражает* художник, какую систему ценностей навязывает. Булгаков делает свои кощунства, сатанинские пародии обаятельными, а все искажения Евангелия, совершаемые Мастером, правдоподобными» [5; с. 304].

Помимо работ М.М. Дунаева[2; 3], протодиакона Андрея Кураева для рассмотрения данной темы представляют интерес диссертации, авторефераты диссертаций, статьи и главы монографий Ж.Р. Колесниковой, Е.Р. Южаниновой, Ж.Л. Океанской, В.П. Океанского, А.В. Тарасова[4; 6; 7; 8; 10]., посвященные ее раскрытию в тех или иных аспектах.

Методологическую основу исследования составили методы историко-философского анализа, ориентированные как на объективную полноту исследования, так и на его критический характер; сравнительный анализ основных мотивов и положений философского мировоззрения М. А. Булгакова с православным и гностическим учениями.

1. Гностические мотивы в творчестве М.А. Булгакова

Протоиерей Владислав Цыпин дает следующее определение гностицизма: «Как и в апостольский век, Церковь во II столетии от Рождества Христова сталкивалась и с такими расхождениями в самой вере, которые не допускали примирения, и где компромисса быть не могло по природе вещей. И разногласия эти таили серьезную опасность. Речь идет о гностицизме, приверженцами которого становились многие из тех, кто принадлежал к интеллектуальной элите греко-римского общества. Принимая учение Христа, они интерпретировали его произвольно и надуманно и делали это с тем, чтобы придать ему вид, совместимый с учениями, которые в изобилии возникали тогда на стыке классической философии и эзотерических доктрин эллинского, египетского или восточного происхождения. Христианство было для гностиков всего лишь одной из разновидностей модной восточной эзотерики, и, как они полагали, не было никаких разумных препятствий для того, чтобы эклектически синтезировать его с иными учениями: пифагорейскими, неоплатоническими, каббалистически-

ми, а также заимствованными из Египта, Сирии или Ирана.

Родовые черты гностических систем – в религиозно-философском синкретизме, в причудливом сочетании утонченного декадентского интеллектуализма (само наименование этих сект идет от греческого слова *gnosis* – «знание») с вульгарным мистическим любопытством, с болезненным интересом к тайне, к сакральному, к оккультизму и магизму; в снобистском осознании своих узких кружков элитарными обществами посвященных в тайны, недоступные простым смертным, не прошедшим своего рода инициации. Гностики делили людей на духовных, или пневматиков (которые в разных системах именуется также «совершенными», или «царскими сынами»), предназначенных к соединению с абсолютным; душевных, или психиков, которые хотя и испытывают тяготение к горнему миру, но, лишенные духа – пневмы, не способны войти в него; и, наконец, плотских – соматиков, или гиликов, обреченных на исчезновение вместе со всем материальным миром. Для гностического дискурса характерен также безудержный аллегоризм и символизм.

Мировоззренчески одни гностические секты, в основном связанные с александрийским эллинизмом, вобравшим в себя наследие египетской религии, мифологии и философии, тяготели к пантеизму, к размыванию границы, отделяющей Бога от тварного мира; другие же, воспринявшие влияние, идущее через Месопотамию и Сирию из Ирана, обнаруживали дуалистическую тенденцию, противопоставляли демиурга, создавшего материальный мир, божеству как абсолюту и источнику бытия духовных существ. При этом в доктринах отдельных гностических сект эти два направления онтологической мысли часто представляли в эклектичных комбинациях. Господствующая в гнозисе пантеистическая закваска, с одной стороны, сообщала гностической космологии характер космогонии, а теологию превращала в вычурную теогонию, а с другой – исключала веру в подлинность Боговоплощения с сохранением целостности Божественной и человеческой природы во Христе, а из этого происходил и свойственный гностической христологии откровенный докетизм. Еще одно радикальное расхождение гностицизма с церковным христианством в том, что гнозис – обретение совершенного знания – его приверженцы провозглашали высшей целью человека, игнорируя или оставляя в тени мысль о спасении. В этом

отношении гностицизм принципиально антисотериологичен»[9].

Интересны в этой связи мысли В.П. Окенанского о том, что «Мастер и Маргарита» – это не эстетское беллетристическое явление и не идеологический роман, но *мистериально-инициативный текст-посвящение*, которое экзистенциально приобщает «мирам иным», разрывая замкнутый круг рутины и обыденности, причем – не только для его героев и автора, но и для аутентичного читателя. Булгаков не тождественен своему романному «Мастеру»: приравнивание их духовного опыта – коренная ошибка декадентского сознания. Булгаков — виртуальный розенкрейцер (разница между ним и его героем, пожалуй, такая же как между Великим Магистром и Мастером в масонской ложе, если прибегнуть к такой экстравагантной модели), он посвященный гностик, для которого различные культурно-исторические эпохи (советская Москва, западное Средневековье, поздняя античность) эзотерически сопряжены, присутствуя в метафизическом космосе одновременности. Это – особая, хотя и не самая высшая ступень инициативного опыта» [7; с. 82].

Ж.Р. Колесникова в своей кандидатской диссертации писала о гностических мотивах романа «Мастер и Маргарита»: «Мы констатируем близость образа Воланда гностическому «демиургу», важнейшими признаками которой являются привязанность к «видимому» миру, безграничная власть над эмпирией, «неонтологическая» сущность зла.

- В духе гностической концепции в романе характеризуется Свет: предельная «отстранённость», невозможностью объективироваться в материальном мире. Выбор, диктуемый добром, в романе, как правило, означает отказ от эмпирических благ.

- Образ Иешуа приближается к образу «гностического человека», только после смерти приобретающего «божественность».

- В романе исключается идея воскресения и преображения мира Духом, перерастая в гностическое мироотрицание и отстранённость.

- Признаком гностического мироотрицания в романе является понимание смерти как освобождения от злых пут материи, счастья и блага.

- В качестве гностического можно интерпретировать наличие в жизни героев романа «экзистенциального страха», являющегося следствием восприятия окружающего мира как «царства тьмы». Результатом такого страха яв-

ляется стремление подняться над миром, в рамках которого не мыслится невозможным подлинное существование.

- Следствием гностической установки на мироотрицания можно рассматривать мотив разрушения (огня) в романе.

- В образе Маргариты раскрывается идея гностического дуализма духа и плоти как абсолютно разделённых понятий; гностическим же является представление о сущности любви как исключительно духовной связи» [4].

По мнению М.М. Дунаева, «именно Мастер – главный хулигатель Духа в романе (от сатаны же иного и впрямь ожидать нельзя). Именно он создает текст для черной мессы. Иная роль у Маргариты, возлюбленной Мастера: в силу неких присущих ей магических свойств она становится источником той энергии, которая оказывается необходимой этому бесовскому миру в определенный момент его бытия, – ради чего и затевается сам «бал». <...> «Не лишены основания, – пишет Гаврюшин, – и предположения о связи образа Маргариты с соловьевской теологемой Софии-Премудрости, восходящей к учению гностиков и прослеживающейся в умозрительных построениях писателей-масонов XVIII века, а также П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова. Согласно гностическим представлениям, «тварная» София-Премудрость является первой помощницей Богу в акте миротворения, и Воланду-Сатане, изображающему по смыслу литургии самого Творца, она логически должна быть необходимой парой» <...> Перед читателем, таким образом, совершается некое мистическое действие: завершение одного и начало нового цикла в развитии запредельных основ мироздания, о которых человечеству можно дать лишь намек – не более того. Подобным намеком становится роман Булгакова. Источников для такого намека выявлено уже множество здесь и масонские учения, и теософия, и гностицизм, и иудаистские мотивы...» [3; с. 302-303].

По утверждению Е.Р. Южаниновой «Булгаков мифологизирует происходящее, показывая магическую власть Слова, вырывающуюся «за скудные пределы естества». Для объяснения глубинной сути подобных таинственных случаев в творчестве Булгакова бесполезны выводы некоторых исследователей, выдвигающих гипотезу о влиянии на булгаковское мировоззрение философии гностиков, утверждавших веру в беспредельное могущество Слова. Общим свойством гностических уче-

ний является их синкретический характер. Гностические мотивы встречаются и в ряде разнообразных религиозно-философских учений Нового времени (розенкрейцерство, теософия, антропософия и т.д.)» [10; с. 17].

М.М. Дунаев обращает внимание и на скрытость от читателя тайных смыслов романа «Мастер и Маргарита», достигаемую с помощью художественных приемов. Так он пишет: «Нужно отметить еще одну роль Мастера и его возлюбленной в структуре романа: они отчасти отвлекают на себя внимание читателя, служа прикрытием для подлинного мистического смысла произведения. Булгаков вообще, создается впечатление, пытается всячески закамуфлировать свой замысел. Приемов у него множество. Так, кощунственное изображение Престола христианского храма в обители Воюланды маскируется шутовским шахматным поединком между Воюландом и котом (они используют для этого именно Престол с зажженным на нем семисвечником) – дополнительное глумление, но и отвлекающий маневр. Кровавая жертва, убийство барона Майгеля, воспринимается невнимательным читателем как справедливое возмездие губителю-доносчику. И т.д. Обилием отвлекающих подробностей затемняется и сама цель визита Воюланды в Москву [3; с. 298]. Как отмечает В.П. Океанский, «булгаковский роман оказывается эзотерическим сейсмографом недееспособности и мистического бессилия реактивных церковных останков: ужасающий символ этого – недейственность человеческой воли ко крестному знаменю (реплика Азazelло – женщине, поднявшей руку для креста: «Отрежу!»), отъятие благодати от бюрократившейся «соборности» в пользу избранных, посредством обречения последних на гностические мытарства» [7; с. 82-83].

2. «Пилатовы главы» романа «Мастер и Маргарита»

Среди критиков романа «Мастер и Маргарита» при общем взгляде на антихристианскую сущность «пилатовских глав» романа, существуют разные взгляды на то, каким же является отношение к ним самого М.А. Булгакова.

Как писал протоиерей Андрей Кураев, «родство Иешуа и рафинированного толстовского атеизма вполне очевидно. Но есть ли признаки, по которым можно судить об отношении Булгакова к Иешуа и к той этике все-

прощения, которая озвучивается устами Иешуа?

Главный и даже единственный тезис проповеди Иешуа – «все люди добрые» – откровенно и умно высмеивается в «большом» романе. Стукачи и хапуги проходят вполне впечатляющей массой. Со всей своей симпатией Булгаков живописует погромы, которые воюландовские присные устроили в мешанско-советской Москве. У *такого* Иисуса Булгаков не зовет учиться своего читателя.

<...> «Пилатовы главы» взятые сами по себе – кощунственны и атеистичны. Они написаны без любви и даже без сочувствия к Иешуа. <...> не только Булгаков, но и Мастер не сочувствует тому Иешуа, который появляется на страницах романа о Пилате.

А Мастер еще не очень-то по сердцу и Булгакову: «Вы писатель? – спросил с великим интересом Иван. – Я – мастер, – ответил гость и стал горделив, и вынул из кармана засаленную шелковую шапочку, надел ее, а также надел и очки, и показался Ивану и в профиль, и в фас, чтобы доказать, что он действительно мастер». Согласитесь – странный способ доказывать свою литературную талантливость...» [5; с. 34-36].

А вот по мнению М.М. Дунаева, «всю силу своего дарования призвал на помощь писатель, дабы заставить читателя поверить: истина в том, что составило содержание романа. Должно признать, что наваждение правдоподобия, иллюзия достоверности – необычайно сильны у Булгакова». [2; с. 307]. И далее критик делает вывод, что «в романе Булгакова «Мастер и Маргарита», таким образом, совершается сознательная десакрализация и снижение Божественного Откровения до уровня заурядного гуманистического релятивизма. Именно поэтому либеральное плюралистическое сознание превратило роман в объект бездумного поклонения» [3; с. 306].

Как отмечает протоиерей Андрей Кураев, «Может не свое мировоззрение Булгаков вложил в анти-богословие Мастера? Не поставил ли Булгаков между собой и Мастером некоего посредника, в послушании которому и находится творчество Мастера? Ведь «пилатовы главы» существуют не автономно, а в рамках большего произведения. Структура «Мастера и Маргариты» – роман в романе. Может, кто-то из персонажей большого романа, имеющих влияние на Мастера, заинтересован в том, чтобы Иисус выглядел как Иешуа? <...> В 1932 году Булгаков полагает, что его роман

может называться «Черный богослов». Работа этого «богослова» состоит в изготовлении карикатуры на Христа. То, что эта карикатура не вызывает согласия у самого Булгакова – уже было показано. Но все же не сатану высмеивает Булгаков, не с Воландом он схватился. «Шмыгающий носом» Иешуа – карикатура на атеистический (толстовский) образ Христа» [5; с. 37-38].

В.П. Океанский высказывает предположение, что «если Иешуа – не Христос, то и Воланд – не вполне классический дьявол. Воланд, действительно «какое-то темное божество» <...> и может быть (заметим мы) некая редуцированная гностическая манифестация темной природы Божества (о чем писали Ареопagit, Палама, Экхарт, Беме, Шеллинг, Бердяев, Генон) [7; с. 83].

По мнению протодиакона Андрея Кураева, «о несамостоятельности работы Мастера над своим романом говорит многое. Во-первых, то, что у Мастера нет своего личного имени. Во-вторых, то, что рассказ о Пилате начинается до появления Мастера на арене московского романа и продолжится уже после того, как Мастер сжег свой роман. Кто же начинает и кто завершает? – Воланд. Причем Воланд презентует этот рассказ на правах «очевидца». <...> Мастер – «гадает», Воланд – видит. Мастер отсылает Ивана за продолжением к Воланду («ваш знакомый с Патриарших прудов сделал бы это лучше меня»). Воланду же ни к чему ссылка на Мастера. <...> Отношения Мастера с Воландом – это классические отношения человека-творца с демоном: человек свой талант отдает духу, а взамен получает от него дары (информацию, видения-«картинки», энергию, силы, при необходимости и «материальную помощь» и защиту от недругов). Порой при этом сам человек не понимает до конца, откуда же именно пришел к нему источник его вдохновения. Мастер, например, уже завершив свой роман, впервые встречается с Воландом лицом к лицу. Причем Воланд делает вид, что он никакого отношения к творчеству Мастера не имеет (точнее, словом Воланд заявляет одно, а вот делом – являя сожженную рукопись – тут же демонстрирует совсем иное) [5; с. 45, 47].

Как пишет М.М. Дунаев, «Н.К. Гаврюшин, исследовавший литургические мотивы романа Булгакова, доказательно обосновал важнейший вывод: «великий бал» и вся подготовка к нему составляют не иное что, а сатанинскую анти-литургию, *черную мессу*, – и нам

остается лишь присоединиться к такому заключению исследователя. Под пронзительные крики «Аллилуйя!» беснуются на том балу присные Воланда. Все события «Мастера и Маргариты» стянуты к этому смысловому центру произведения. Уже в начальной сцене – на Патриарших прудах – начинается подготовка к «балу», своего рода *черная проскомидия*. Гибель Берлиоза оказывается не нелепо случайной, но включенной в магический круг сатанинской мистерии: отрезанная голова его превращается в «потир», из которого в завершение бала «причащаются» преобразившийся Воланд и Маргарита (вот еще одно проявление антилитургии – пресуществление крови в вино, таинство навыворот). Бескровная жертва Евхаристии подменяется здесь жертвой кровавой (убийство барона Майгеля). Можно перечислить многие проявления ритуальной мистики в романе, но сосредоточимся на нашей теме. На Литургии в храме читается Евангелие. Для *черной мессы* надобен иной текст. Роман, созданный Мастером, становится не чем иным, как *евангелием от сатаны*, искусно введенным в композиционную структуру произведения об анти-литургии. Вот для чего была спасена рукопись Мастера. Вот зачем оболган и искажен образ Спасителя. Мастер исполнил предназначенное ему сатаной.[3; с. 300].

Рассматривая оккультную сторону булгаковского романа «Мастер и Маргарита», протоиерей Андрей Кураев пишет «не зря Булгаков изучал оккультизм. В оккультизме и буддизме предполагается, что «энергия человеческой мысли» объективируется, сгущается и затем может оказывать совсем не просимое обратное воздействие на своего творца. Все боги, все духи, все демоны созданы игрой сознания. Психическая энергия, которую поклонник вкладывает в некий мыслеобраз, концентрируется в этом образе и постепенно отчуждается от мыслящего, медитирующего, молящегося ума. Соответственно, любой мыслеобраз, которому множество людей поклоняется в течение долгого времени, достаточно реален. Он способен им помогать и как бы возвращать людям энергию, которую от них получил прежде. Божества создаются направленным к ним поклонением; это аккумуляторы, собирающие энергию поклонения» [5; с. 56]. Только в преломлении этого оккультного учения становится «понятна головокружительная фраза Воланда, сказанная Мастеру: «Тот, кого так жаждет видеть выдуманый вами герой, которого вы сами только что отпустили, прочел ваш роман».

Если Мастером выдуман Пилат, то Иешуа тоже должен быть рассматриваем как просто персонаж его романа. Но вот, оказывается, персонаж читает роман про самого себя и дает ему оценку... Это и есть сюрприз, обещанный Воландом Мастеру. Сон, придуманный писателем (Мастером) для своих персонажей (сон Пилата о прогулке с Иешуа) обретает реальность и являет себя призраку автора... [5; с. 60-61].

3. Любовь в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

По мнению Ж.Л. Океанской «Мастер до Маргариты пребывал в идиллическом топосе, если понимать идиллию в горацанском смысле, а именно – счастливо-блаженная жизнь поэта-одиночки... <...> Мастер говорит о своей жизни до Маргариты – жизни, наполненной блаженными идиллическими стихиями: водный источник, сад и очаг! – буквально следующее: «Ах, это был золотой век... <...> ... совершенно отдельная квартирка, и еще передняя, и в ней раковина с водой... <...> ... напротив в четырех шагах под забором сирень, липа и клен. Ах, ах, ах! Зимой я очень редко видел в оконце чьи-нибудь черные ноги и слышал хруст снега под ними. И в печке у меня вечно пылал огонь!» Перед нами – идеальное пространство жизни автора, можно сказать его Рай... Определение *времени* «золотой век» поддерживается еще и *пространственными* приметами, образами, метафорами, что совсем не случайно и имеет свои корни в идиллической литературной традиции» [6; с. 247-248].

Интересно цитирование ей книги Притч Соломоновых. Необходимо привести цитату, характеризующую Ж.Л. Океанской как «золотой ключ к пониманию антисофийного сюжета главных героев знаменитого мистериального романа М.А. Булгакова «Мастера и Маргариты», и если бы сознание наших современников не было замусорено множеством сентиментальных отмычек, которые тяготеют над их вкусами и пристрастиями, то достаточно было бы ограничиться самой библейской цитатой, где со всей очевидностью сказано об отношениях Мастера и Маргариты практически все. [6; с. 246-247].

«Вот однажды смотрел я в окно дома моего, сквозь решетку мою, – и увидел среди неопытных, заметил между молодыми людьми, неразумного юношу, переходившего площадь близ угла ее и шедшего по дороге к дому ее (в сумерки, в вечер дня, в ночной темноте и во

мраке); и вот, навстречу к нему – женщина в наряде блудницы, с коварным сердцем, шумливая и необузданная; ноги ее не живут в доме ее – то на улице, то на площадях, и у каждого угла строит она ковы. Она схватила его, целовала его, и с бесстыдным лицом говорила ему: «Мирная жертва у меня, сегодня я совершила обеты мои, поэтому и вышла навстречу тебе, чтобы отыскать тебя, – и нашла тебя! Коврами я убрала постель мою, разноцветными тканями египетскими; спальню мою надушила смирною, алоем и корицею. Зайди, будем упиваться нежностью до утра, насладимся любовью, потому что мужа нет дома – он отправился в дальнюю дорогу; кошелек серебра взял с собою, придет домой ко дню полнолуния!» Множеством ласковых слов она увлекла его, мягкостью своих уст овладела им – тотчас он пошел за нею как вол идет на убой, и как пес на цепь, и как олень – на выстрел, доколе стрела не пронзит печени его; как птичка кидается в силки и не знает, что они на погибель его.

Итак, дети, слушайте меня и внимайте словам уст моих! Да не уклоняйте сердце твое на пути ее! Не блуждай по стезям ее, потому что многих повергла она ранеными и много сильных убиты ею; дом ее – пути в преисподнюю, нисходящие во внутренние жилища смерти» (Притч. 7; 6-27).

Как считает протоиерей Андрей Кураев «искусственным фальцетом отдаёт от заверения Булгакова о вечной любви и верности Маргариты. Булгаков пошутил – а его шутку приняли всерьез... Так что нет уверенности в том, что Маргарита не будет улетать на ежегодные балы Воланда в поисках менее скучных друзей. Маргарита владеет Мастером. Мастеру же не обрести свободы от Маргариты. Маргарита грозит Мастеру: «А прогнать ты меня не сумеешь». <...> Вообще Мастер становится приложением к Маргарите: «Я хочу, чтобы мне сейчас же, сию секунду, вернули моего любовника, мастера, – сказала Маргарита, и лицо ее исказилось судорогой». Маргарита здесь все же просит о себе (как о своем покое она просила, вступаясь за Фриду). Она имеет Мастера, пользуется им, как она пользовалась кремем Воланда. Не случайно в кошмарах Ивана Поньрева она столь властно обращается с Мастером: «Тогда в потоке складывается непомерной красоты женщина и выводит к Ивану за руку пугливо озирающегося обросшего бородой человека. Иван Николаевич сразу узнает его. Это – номер сто восемнадцатый, его ночной гость» (Эпилог). Так что Маргарита – отнюдь не «ан-

гел хранитель» и не «добрый гений» Мастера. Вечность с ней – подарок еще тот!» [5; с. 108-109].

Как отмечает Ж.Л. Океанская «вода и огонь как источники жизни в демонических руках становятся атрибутами смерти: огнем сверкают очи Маргариты, затем огонь перекинется на Москву и будет ее палить... Здесь нет никакого преувеличения и намеренного нагнетания смыслов – портрет Маргариты, даваемый Мастером, говорит сам за себя: «Она (дверь я забыл закрыть) предстала предо мною с мокрым зонтиком в руках и с мокрыми же газетами, глаза ее источали огонь, руки дрожали и были холодны». Характерные демонические черты профессиональной ведьмы вряд ли можно принять за что-то другое... Что же еще, кроме душевной болезни, сулит проникновение подобного существа в открытую дверь? Болезни предшествует полная зависимость Мастера от Маргариты, а этому предшествует полное опустошение души Мастера.[5; с. 111].

О конце Мастера протоиерей Андрей Кураев писал, что о нем «сказано красиво: «Он не заслужил света, он заслужил покой». И несколькими поколениями советских интеллигентов эти слова переживались как символ их скудных эсхатологических надежд». [5; с. 111]. «В финале тело Мастера уже убито. Душа... Но что такое «душа» со стертой памятью? О чем он будет писать? И для кого? <...> А вот от романа, написанного им на земле, Мастеру никуда не деться: «Я помню его наизусть... Я теперь ничего и никогда не забуду... Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно». Воланд позаботился о том, чтобы этот страх оставался в Мастере навсегда. Он поселил его в зацветающем вишневом саду. <...> Но прекрасно ли цветение вишен именно для Мастера? <...> Вишня цветет в мае. Май и есть месяц очной встречи с Воландом, месяц сумасшествия и смерти Мастера. Значит, вся боль последних недель жизни Мастера будет ему напоминаема постоянно. Как «весеннее праздничное полнолуние» каждый год лишало покоя Ивана Бездомного, так и Мастеру придется маяться каждый май, точнее – вечный май с вечно зацветающими, но никогда не плодоносящими вишнями...».[5; с. 120-121].

Для сравнения целесообразно привести и иную точку зрения, сформулированную А.В. Тарасовым: «Маргарита – женщина изменяющая мужу, «благородному человеку» ради великой любви, служит Дьяволу, изменяет свою сущность ради спасения любимого. Это уже

общее место, но некоторые исследователи до сих пор отрицают факт ее жертвы.

Булгаков пишет: «... появляется он... оборван он, не разберешь во что одет. Волосы всклокочены, небрит. Глаза больные, встревоженные. Манит ей рукой, зовет. Захлебываясь в неживом воздухе, Маргарита по кочкам побежала к нему...» Татьяна Николаевна Лапа в этой сцене узнала место, где они жили с Булгаковым и он тяжело болел и она выхаживала его. Без еды, с минимумом лекарств. Это биографический эпизод. И мы опять видим жертвенный порыв Маргариты – «побежала к нему», «в неживом воздухе», «по кочкам». Действительно, зачем обращаться к дьяволу, даже если они сами ее нашли. Обратись к Богу. Но здесь надо заметить, а есть ли Бог в том мире, который описан М.А. Булгаковым, не в романе, а в мире, в Москве. Его нет. Возникает ощущение Богооставленности. <...> На земле царствует Воланд и как «князь мира сего», и как победивший, через слуг своих временный властитель России» [8; 348-349].

Впрочем, данная точка зрения представляется слишком уж идеализирующей героев романа, оснований для чего текст М.А. Булгакова не дает, а главное – показывает непонимание ее автором сути христианства – нельзя обращаться к силам тьмы, даже если не к кому вообще обратиться.

4. Православные мотивы в творчестве М.А. Булгакова

Как писал о романе «Белая гвардия» А.В. Тарасов, «картина бурана, запечатленная в первом эпиграфе – символ исторической бури, разбушевавшейся стихии бунта. Образы «Откровения...» – повествования о гибели греховного мира, мучительном очищении и возрождении человечества – пронизывают весь роман, начиная с предсказаний отца Александра, друга семьи Турбинных, о грядущих испытаниях. Он цитирует «Откровение...»: «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод, и сделалась кровь» [8; с. 295-296].

М.А. Булгаков описал в этом романе хотя и обусловленное болезнью, но искреннее покаяние сифилитика так, что становится ясно, что покаяние и для самого писателя не было чем-то отвлеченно-теоретическим: «Он с искаженным лицом плюнул вдруг на страницу со стихотворением и бросил книгу на пол, потом опустился на колени и, крестясь мелкими дрожащими крестами, кланяясь и касаясь холодным лбом

пыльного паркета стал молиться, возводя глаза к черному безотраднему окну:

– Господи, прости меня и помилуй за то, что я написал эти гнусные слова. Но зачем же Ты так жесток? Зачем? Я знаю, что Ты меня наказал. О, как страшно Ты меня наказал! Посмотри, пожалуйста, на мою кожу. Клянусь Тебе всем святым, всем дорогим на свете, памятью мамы-покойницы – я достаточно наказан. Я верю в Тебя! Верю душой, телом, каждой нитью мозга. Верю и прибегаю только к Тебе, потому что нигде на свете нет никого, кто бы мне мог помочь. У меня нет надежды ни на кого, кроме как на Тебя. Прости меня и сделай так, чтобы лекарства мне помогли! Прости меня, что я решил, будто бы Тебя нет: я был бы сейчас жалкой паршивой собакой без надежды. Но я человек и силен только потому, что Ты существуешь, и во всякую минуту я могу обратиться к Тебе с мольбой о помощи. И я верю, что Ты услышишь мои молитвы, простишь меня и вылечишь. Излечи меня, о Господи, забудь о той гнусности, которую я писал в припадке безумия, пьяный, под кокаином. Не дай мне сгнить, и я клянусь, что вновь стану человеком.

<...>Свеча наплывала, в комнате холодело, под утро кожа больного покрылась мелкими пупырышками, и на душе у больного значительно полегчало [1; с. 130-131].

Еще более яркий пример – молитва Елены: «Елена с колен исподлобья смотрела на зубчатый венец над почерневшим ликом с ясными глазами и, протягивая руки, говорила шепотом:

– Слишком много горя посылаешь сразу, Мать-Заступница. Так в один год и кончишь семью. За что?.. Мать взяла у нас, мужа у меня нет и не будет, это я понимаю. Теперь уж очень ясно понимаю. А теперь и старшего отнимаешь. За что?.. Как мы будем вдвоем с Николом?.. Посмотри, что делается кругом, Ты посмотри... Мать-Заступница, неужто ж не сжалишься?.. Может быть, мы люди и плохие, но за что же так карать-то?

Она опять поклонилась и жадно коснулась лбом пола, перекрестилась и вновь протирая руки стала просить:

- На Тебя одна надежда, Пречистая Дева. На Тебя. Умоли Сына Своего, умоли Господа Бога, чтоб послал чудо...

Шепот Елены стал страстным, она сбивалась в слова, но речь ее была непрерывна, шла потоком. Она все чаще припадала к полу, отмахивала головой, чтоб сбить назад выскочив-

шую на глаза из под гребенки прядь. <...> Грудь Елены очень расширилась, на щеках выступили пятна, глаза наполнились светом, переполнились сухим бесслезным плачем. Она лбом и щекой прижалась к полу, потом, всей душой вытягиваясь, стремилась к огоньку, не чувствуя уже жесткого пола под коленями. Огонек разбух, темное лицо, врезанное в венец, явно оживало, а глаза выманивали у Елены все новые и новые слова. Совершенная тишина молчала за дверями и за окнами, день темнел страшно быстро, и еще раз возникло видение – стеклянный свет небесного купола, какие-то невиданные, красно-желтые песчаные глыбы, масляные деревья, черной вековой тишью и холодом повеял в сердце собор» [1; с. 253-254].

Конечно, примеры этих молитв отличаются от тех, которые описываются в аскетических сочинениях православных авторов, но это несомненно искренние обращения верующих душ к Богу, к Пресвятой Богородице. Спустя годы, православные мотивы в художественных произведениях М.А. Булгакова стали все менее различимы, впрочем, нельзя сказать, что их совсем нет в «Мастере и Маргарите»: М.М. Дунаев пишет, что у него создалось впечатление, что «под конец Воланд действует скорее как Ангел Господень, осуществляя волю Того, Кто на завершающих страницах романа начинает смутно угадываться за всеми событиями мировой истории» [3].

*****

О влиянии романа «Мастер и Маргарита» на читателя разные авторы говорят в целом примерно одно и то же. В.П. Океанский пишет: «Роман «Мастер и Маргарита» – для многих горящая ступень духовного восхождения. Страшно на ней остаться: тогда это уже – захлопнутая ловушка. И совсем не важна в горячей герметической комнате наша оценка этого катастрофического процесса: считаем мы булгаковский роман «Евангелием XX века» или «Антиевангелием от Сатаны», – мы в любом случае сгорим...» [7; с. 83]. М.М. Дунаев, например, видит роман иначе, но приходит по сути к тому же выводу: «Мировоззрение автора «Мастера и Маргариты» оказалось весьма эклектичным. Но главное – антихристианская направленность его – вне сомнения. Недаром так заботливо маскировал Булгаков истинное содержание, глубинный смысл своего романа, развлекая внимание читателя побочными частностями. Темная мистика произведения помимо воли и сознания проникает в душу человека

– и кто возьмется исчислить возможные разрушения, которые могут быть в ней тем произведены? [3; с. 283].

Гностические мотивы очень сильны в творчестве М.А. Булгакова, особенно ярко это проявилось в его романе «Мастер и Маргарита». Причем приобщенность к тайным знаниям сообщается только через силы тьмы; как отмечал М.М. Дунаев «разумеется, в булгаковском подходе к теме не было бы ничего оригинального, если бы автор оставался на позитивистском уровне Ренана, Гегеля или Толстого от начала до конца. Но недаром же он именовал себя «мистическим писателем»; роман его перенасыщен тяжелой мистической энергией, и лишь Иешуа не знает ничего иного, кроме одинокого земного пути, – и на исходе его ждет мучительная смерть, но отнюдь не воскресение»[3; с. 283].

«Пилатовы главы» всеми православными критиками романа определяются как однозначно кощунственные. Особенный интерес представляют мысли, высказанные в работах М.М. Дунаева, развивающего мысли Н.К. Гаврюшина о том, что этот текст Мастер писал по подсказке Воланда, как текст необходимый для мистериального бала сатаны, описываемого в романе.

Любовь Мастера и Маргариты в романе не выглядит такой возвышенной, как нередко пытается представить ее нехристианская критика. Идущие на поводу своих страстей, они и в чувстве своем не находят счастья, что видно в конце романа.

Православные мотивы можно заметить в романе «Белая гвардия», при внимательном изучении они могут быть найдены и в романе «Мастер и Маргарита». Впрочем, в целом можно говорить о том, что увлечение М.А. Булгакова оккультизмом наложило отпечаток на все его творчество.

Библиографический список:

1. Булгаков М.А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Романы. Минск, 1991.

2. Дунаев М. «Истина о том, что болит голова» // Златоуст. Духовно-просветительский журнал. 1992. № 1.
3. Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. VI/1. М., 2004.
4. Колесникова Ж.Р. Роман М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита" и русская религиозная философия начала XX века. Дисс. ... канд. филологических наук. Томск, 2011 Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/roman-m-bulgakova-master-i-margarita-i-russkaya-religioznaya-filosofiya-nachala-xx-veka#ixzz2xVWRWNFR> (дата обращения 31.03.2014)
5. Кураев А., диак. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против? М., 2004
6. Океанская Ж.Л. Антисофийный сюжет Мастера и Маргариты в контексте Премудрости Соломоновой и опыт православной софиологии имени в мире Сталкера // Ж.Л. Океанская. Ословесненный космос отца Сергия Булгакова: «Философия имени» в контексте поэтической метафизики конца Нового времени. Иваново-Шуя, 2009.
7. Океанский В.П. Панин о Мастере и Маргарите // В.П. Океанский. Культура Нового времени: герменевтический обзор. Монография. Шуя, 2011.
8. Тарасов А.В. М.А. Булгаков и кинематограф // А.В. Тарасов. Визуальное высказывание: киномышление в русской культуре: монография. Шуя, 2013.
9. Цыпин В., прот. Церковь эпохи апологетов Часть 3. <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/35592.htm> (дата обращения 31.03.2014)
10. Южанинова Е.Р. Ценностные и рационально-теоретические компоненты в мировоззрении М.А. Булгакова. Автореферат дисс. ... канд. философ. наук. Екатеринбург, 2008

©Иеромонах Михаил (Чепель), 2020